Аркадий Макаров

Орясина

Рассказы

Аркадий Макаров

Орясина. Рассказы

«Издательские решения»

Макаров А.

Орясина. Рассказы / А. Макаров — «Издательские решения»,

Весёлые и грустные повествования, вызванные памятью автора из прошлой жизни — настоящей, не героической, но честной. Спасибо, читатель, за встречу!

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

Орясина 6
«Не кочегары мы, не плотники…» 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Орясина
Рассказы
Аркадий Макаров

© Аркадий Макаров, 2016

ISBN: 978-5-4483-0466-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Орясина

Куда ты дел мотор, орясина?
Аль снёс за четверть первача?
И всё поёшь про Стеньку Разина,
И про Емельку Пугача.
Ю. Кузнецов

Осенний день безрадостный, как бледная немочь, что-то шепелявил сквозь плотно подогнанные оконные стёкла, вызывая чувство безнадёжности и опустошения. Ветер, протискиваясь в щели, нудно и долго рассказывал о времени и о себе, но рассказывал так неинтересно, что вгонял меня в густую чащобу дрёмы, из которой, как я не пытался, так и не мог до конца выбраться.

Короткие промежутки бодрствования сменяли странные видения давно минувшей молодости, которые возвращались снова и снова, напоминая мне о тех истоках, из которых вытекает настоящее, переходя в будущее.

Человек с выбитыми передними зубами, кровоточа дёснами, шепелявил о долге и чести и, скрывая боль, простодушно улыбался большими голубыми глазами, давая понять: что всё путём, ничего, до свадьбы всё заживёт!..

Вот чёрт рыжий, Ванька Добряков, Иван-Поддубный, как многие звали его у нас в общежитии за силу и крепость, пристал к моей дрёме теперь и пугает прошлым, которое так незаметно и быстро перешло в настоящее с заботами о добывании денег. Они, эти деньги, одномоментно стали таким дефицитом, что перерезать горло или пустить пулю из-за них, теперь – пара пустяков, вроде, как сморкнуться. Вот и сижу я в «секрете» за железной дверью, сторожа денежную прибыль с роста банковского. Сижу, как пёс цепной. Прокручиваю ленту своей жизни. А лента длинная, пока прокрутишь, насмеёшься и наплачешься.

Ах, Ванька-Ванька. Ванно, как тебя ещё тогда называли, зачем ты стоишь в моей тесной подсобке, с разбитым ртом, мешая мне сторожить чужое добро, ради которого мы с тобой монтажничая на боевых комсомольских стройках, кувалдой и ломом пробивали скалу, которая сегодня, в настоящее бесовское время, бьёт денежной струёй в закрома теперешних барышников, которые использовали нас наивных в свою пользу. Доказательства тому уйма. Даже в тех анекдотических событиях моего рабочего прошлого проглядывает, пусть в извращённой форме, истинный характер русского человека, стремящегося к самоотвязной, разрушительной воле. Но, как говориться – вольному – воля, а голому – кафтан…

Теперь, при новых порядках, человеку старше сорока лет устроиться на работу почти невозможно, а вот мне повезло. После мытарств и скудности жизни я стал охранником одного из отделений небольшого банка, такого незначительного, что внезапное банкротство его вряд ли кто-либо в стране заметит, кроме обескураженных вкладчиков. Но банк – есть банк, работа – есть работа, хотя, ни работа, ни банк особой гордости у меня не вызывали, вероятно, из-за скудности жалования.

– У хорошего хозяина цепной пёс всегда недокормленный! – так мне однажды сказал Леонид Яковлевич Бронштейн, приютивший меня к службе.

Вот они друзья прошлых игрищ и забав, как пригодились!

Леонид Яковлевич Бронштейн, в своё время был вовсе и не Бронштейном, а Лёней по прозвищу «Каныш». С ним мы жили бок о бок в молодые годы в рабочем общежитии на городской окраине, где я делал первые шаги на такой ухабистой и неровной дороге – под названием судьба.

Вот ведь, как бывает в жизни! Шли с Лёней Бронштейном по одной дороге, а оказались в разных точках. Или нет, – место одно, а высоты разные. Леня хоть и имел кличку Каныш, но был птицей высокого полёта, если не орёл, то ворон – это точно.

Тогда, в нашей прокуренной и просмоленной тяжёлым перегаром комнате, один он – Леонид Яковлевич Бронштейн числился почти, что инженерно-техническим работником. Закончив после школы шестимесячные курсы счетоводов, ему как-то удалось устроиться кладовщиком на монтажный участок.

Кладовая на участке маленькая, но прибыльная: листовой металл, балки любого профиля, кровельное железо, краски, профильный прокат. Да мало ли чего хорошего в кладовке у монтажников! А учёта никакого. Пойди, посчитай, сколько материала ушло, если заказчик процентовки на выполненные работы, не глядя, подписывает – сроки, как всегда поджимают!

Из всех сортов красок и лаков среди монтажников особенно ценился шеллак для антикоррозийного покрытия металла – цвет дегтярный, а запах спиртовой. Значит, пить можно!

Монтажники по дешёвке и в долг покупали шеллак у лёни Бронштейна вёдрами, и после соответствующей обработки, пили тоже вёдрами.

Технология разделения ингредиентов проста необыкновенно: на ведро лака – пара килограммов поваренной соли, и мешать, вот именно, не помешивать, а интенсивно мешать деревянной лопаткой до тех пор, пока на лопатку не намотается смесь каучука и печной сажи, остальное – чистый спирт. Правда, цвет коньячный, а вкус совсем неподходящий. Но ребята пили. Однажды я, ради любопытства, попробовал тоже – с ног не сбило, но запах до сих пор в ноздрях стоит. По правде сказать – штука поганая. И на большого любителя.

Ребята над Лёней подсмеивались, но интернациональный долг пролетариата блюли и на участке терпели. Иногда Канышом называли – и всё. Шеллак он поставлял в бригаду по первому требованию.

Леня Каныш был роста небольшого, но парень крепкий, сбитый, упругий, чёрт, как тот окатыш каучуковый от шеллаковой основы. Волос простой, на зачёс – тогда так носили – русский мужик! От Бронштейна у него был, может быть только, один нос, мясистый и всегда мокрый. Поэтому Лёня имел такую обидную кличку. Но, что поделаешь, клички бывают и похуже? Всякие бывают клички…

У Лёни Каныша водились деньги всегда, и за это ребята его тоже терпели – можно было без лишних хлопот у него одолжиться.

Когда за растрату социалистической собственности посадили Гришанина, нашего начальника участка, то за ним следом загремел и Лёня, как материально ответственное лицо. Вот тогда-то мои пути с Канышом и разошлись: он пошёл в отсидку, а я, правда, с трудом, но поступил в институт.

Когда Лёня-Каныш вышел из тюряги, я уже получил образование инженера-механика, а он стал настоящим Леонидом Яковлевичем Бронштейном. И при новом режиме выиграл, конечно, он, а не я.

Леонид Яковлевич Бронштейн сразу же обзавёлся связями и вскоре был назначен управляющим того самого филиала московского банка, в котором я и стал служить охранником. Наши дороги опять сошлись, но на разных уровнях, как в курятнике на насестах.

Вот Бронштейн Лёня и философствует – мол, чем меньше кормить собак, тем вернее они служат.

Сижу я теперь в охранной подсобке и слушаю стенания ветра предвещающего холодную зиму.

Воскресный день – выходной в банке. Лёня Бронштейн, забыв свою простецкую кличку, вино пьёт под балычок, а я у него, вроде, как на шухере, на атасе стою…

А всё начиналось лучезарно и весело: женщина, в отделе кадров посмотрев на мою комсомольскую путёвку, со вздохом стала вписывать мою фамилию в новенькую трудовую книжку, где я стал числиться учеником слесаря-монтажника.

– Рано тебе ещё в эту жизнь кунаться – сказала она, протягивая мне обратно, только вчера полученный, аттестат зрелости, где оценками можно было бы и похвалиться.

Что она понимала, эта очкастая старушенция в той трудовой мужской жизни, испытать которую мне так хотелось? Ладони чесались

Тогда мне казалось, что к ней, мужской жизни, я вполне подготовлен. У кого их не было, ошибок молодости?!

В большой комнате рабочего общежития меня встретили сразу шесть пар насмешливых глаз.

– Будем прописываться, или как? – сказал чернявый парень примерно моего возраста в синей трикотажной майке, густо высморкавшись в новенькое свёрнутое солдатским треугольником, полотенце.

Чисто убранная и заправленная кровать, на казённом ворсистом одеяле, которого лежало полотенце, говорила о том, что и кровать эта, и полотенце оказавшееся теперь в руках хамоватого человека, должно принадлежать мне и никому более.

Врезать бы ему сопатому в челюсть, да народ не поймёт. Потопчут. Вон они какие!..

Я, притворившись простачком, сказал, что прописался уже, утром ещё, а паспорт мой у коменданта общежития, если нужно, я завтра принесу показать…

Быстрый. Мышиный взгляд чернявого сразу же перекинулся на всю остальную братию. И тут, в один момент радостно взвизгнули сетки на железных койках, и вперемежку с матерками по просторной комнате рассыпался простуженный кашляющий смех:

– Пропиши его, Каныш! Пропиши!

«Каныш» взметнул перед моим носом кулак, раздумывая, куда ударить – в челюсть или в глаз?

В одно мгновение я понял, что разыгрывать деревенского дурачка не стоит, и, вытащив из-за пазухи бутылку водки, с размаху, ухарски, поставил её на стол.

– Уух! – сказала комната, и все разом засуетились.

– Что же ты, гад, закуски не взял? – примериваясь к бутылке, сразу же опустил сухой кулак недавний обидчик.

– Ну, ты даёшь, Каныш! Пить да закусывать, – зачем тогда пить? Не запьянеешь! – сказал здоровенный саженистый парень, поднимаясь с взвизгнувшей койки. Здесь он был, по всему видать, за авторитета. – Разливай на всех! – кинул он, ставшему сразу услужистым, тому, кто меня только что хотел «прописывать».

Выпили. Кинули в рот по щепотке из бронзовой самодельной пепельницы смесь соли и жгучего красного перца. «Закуска» такая отшибает напрочь все следы алкоголя во рту. Я тоже оценил совершенные достоинства этой адской смеси.

Кинули в рот ещё по одной щепотке из потемневшего бронзового диска и задумчиво помолчали.

На шесть глоток – и одна бутылка?! Над этим стоило задуматься. Но сколько не думай, а в голове просторней не станет.

– Ну, разве это прописка? Это только вид на жительство! – подсуетился тот, кого называли Канышом. – Гони ещё бутылку!

Я хотел оставить нетронутой маленькую заначку на будущее, и красноречиво вывернул карманы, показывая, что я сегодня «легче пера». Подъёмные мне должны были заплатить только в следующем месяце, а в столовую хочется каждый день.

Сидящий передо мной саженистый парень поскрёб толстым, как лошадиное копыто, ногтём рыжую щётку подбородка и увалисто направился к двери.

– Ваня, ты куда? – с надеждой в голосе спросили разом несколько голосов.

– ни куда? А зачем? – назидательно поправил Каныш. – Если кудыкать, то пути не будет.

– Куда-зачем… – буркнул под нос «Ваня» – спор выигрывать у маляров! Вот зачем!

Все потянулись за «Ваней», и я повернул вместе с ними.

Маляры жили в соседней комнате. Степенные ребята. Но маляров не оказалось дома. «Степенные ребята» ушли в культпоход, наверное. «Жизель» в областном драм театре идёт. Воронежский театр оперы и балета у нас гастролирует. Разве пропустят «постановку»? профком билеты бесплатно выдал. Поднимает уровень культуры своих рабочих. По вечерам одно вино, что ли пить?.. Спокойные ребята, не то, что монтажники-горлодёры. Тем только кувалдой махать да материться, и на сухую, и когда выпьют…

В противостоянии маляров и монтажников я убедился позже, когда сам стал настоящим монтажником со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Топчутся ребята возле двери, скребутся, а за дверью никого, только вроде панцирная сетка кровати повизгивает. Может, показалось?

Иван надавил слегка плечом – дверь распахнулась, а там, в глубине, одни простыни пузырятся. Кто-то из «степенных ребят», воспользовавшись передышкой, остался в комнате. А, чего одному скучать? Женское общежитие тоже рядом. Кто-то тоже не пошёл на «Жизель».

– не! Здесь никого! – смущённо кашлянул в кулак Иван, и снова прикрыл дверь, оттолкнув старающего пролезть в комнату, Каныша.

– Вано, – закрутился тот возле, шмыгая носом, на что спорили-то?

– На интерес! За пять бутылок водки я им обещал электрический провод под током зубами перекусить – «Вано», Как голодный волк, клацнул зубами.

Ребята потом рассказывали, что Иван однажды. Тоже на спор, переколол зубами килограмм орехов грецких. Может, что и прибавляли ребята, но зубы у «Вано» мне показались, действительно, как наковальня с молотом – крупные, один к одному, и блескучие, словно галька морская.

– Ах-ты, мать-перемать! Выпить как охота! – горько вздохнул Иван, когда все воротились к себе в комнату, и, откинув мятую занавеску, стал шарить на подоконнике среди пустых бутылок: может, найдётся какая завалящая? Выпивали же вчера, и раньше… Когда-то оставалось…

Но сколько ни шарил, кроме бутылки с рыбьим жиром, – остальные были – стекло одно.

Рыбий жир служил нашему саженному Ивану-Поддубному, как НЗ – неприкосновенный запас на случай полного безденежья. Случай этот наступал почему-то в конце месяца. Считать деньги Иван никогда не любил. Потому в получку он сразу покупал несколько бутылок антирахитичного бальзама, рекомендуемого детям, – и был спокоен.

За неделю-другую зарплата у Ивана кончалась, а работа монтажника, как известно, больших калорий требует. На одной водичке не продержишься. Вот и выручает Ивана несравненный рыбий жир из соседней аптеки. Продукт дешёвый, но максимально питательный. Последняя надежда. Встанет, бывало, Иван поутру, и, не открывая глаз, одной рукой прихватив себя за виски, – уж очень вкус специфический!, другой тянется к подоконнику. Несколько глотков – и всё готово! Дневной рацион питания получен, – словно китёнок у матки.

– Вано, – подначивает теперь Каныш Ивана, – поллитру водки за один раз выпьешь?

– А-то нет! Давай покажу! – ощерился в улыбке Иван, обнадёженный хитроумным предложением.

– А две?

– Ну, за две не ручаюсь, а попробовать можно, ставь!

– Поставлю. Только давай я тебе разок в морду дам – и литр твой!

– Хо! – ухмыльнулся Иван, посверкивая зубами – бей два раза за литр. Мне и ребят угостить надо. Видишь, саранча, какая? Они водочки тоже хочуть! Идёт?

– Едет! Только пусть твои друзья сначала руки по уговору разобьют, чтобы потом обидно не было. Иди, новенький! – показал Каныш в мою сторону – Разбивай!

Лёгкий удар ребром ладони по сцеплённым рукам – и договор в силе.

– Только буду бить в рукавице, ладно? А то я по твоим голышам руку покалечу.

– Да хоть в две рукавицы! Только не промахнись, а то снова вывернишся, как тогда.

Что было «тогда», я не знал, и с интересом наблюдал, что будет теперь. Ребята тоже обступили Ивана.

Лёня Каныш, Бронштейн наш повозился-повозился в своей тумбочке, погремел чем-то и вытащил брезентовую задубелую рукавицу. Одел её на левую руку. Каныш был левша.

Бить в лицо Ивана снизу вверх как-то несподручно – рост разный, и Каныш пододвинул к Ивану стул – Садись!

Иван с довольной ухмылкой усадисто уместился на стуле, прислонённом к стене.

– Бей!

Ребята были в восторге. Чтобы сейчас не случилось, а они выпьют обязательно. Это уж точно. Иван всех угостит, он не жадный, не как этот Каныш поганый! Без мыла в любую щель пролезет, сука…

Леня, постукивая, рука об руку, как купец Калашников, походил-походил вокруг Ивана-Поддубного, держа в томительном ожидании и в напряге всю комнату. И только один Ваня сидел, лучисто улыбаясь на стуле. Как царь московский перед боярами.

– Чего примериваешься? Бей! Раз – и в дамки! Литр что ль жалко? Назад пятками не ходят – боялись ребята, что сговор не удастся. – Бей, сука!

возмущение ребят, что ли подействовало, или Каныш-Леня, наконец, что-то обмыслив, решился. Он вдруг, откинулся назад, и со всего размаха, всей стремительностью туловища, торчком ударил Ивана в широко открытый смеющийся рот.

Иван хоть и сидел крепко, но от неожиданности вдруг повалился назад, ударившись затылком о кирпичную стену. Он не успел еще, и охнуть, как Лёня Бронштейн, скинув почему-то огрузшую рукавицу, скрестил на груди руки и закрутился на полу, взвыв, как щенок, которому наступили на лапу. Одна рука у лёни, голая до плеча, неестественно изогнутая, лиловела прямо на глазах.

Что-то, выплюнув в угол, приподнялся со стула и «Вано», вытирая кровенеющий рот тыльной стороной ладони:

– Ну, фсё! Мы кфиты! – прошепелявил он, косясь на лиловую руку Бронштейна.

Перелом был хоть и не открытый, но явный. Да и у саженого Ивана передних зубов, – как ни бывало! Пить можно, а закусывать никак нельзя.

– Каныш, – разом закричали ребята, – ставь литр! Уговор дороже денег! Ты Ивану хлебальник разбил. Кто ему теперь жевать будет? Ставь, Лёня, не жмись!

– Не! – отмахнулся Иван, – мы кфиты! Фон, рука у него, какая!

Несколько ребят пошли вызывать машину скорой помощи.

Пришлось мне расстаться с последней моей заначкой, и бежать в магазин.

– Фот таких фисдюкоф я люфлю! – выпив залпом, полный стакан водки, потрепал Иван мою лохматую голову. – Молофок! Куфалдой фудешь!

Во всё время пребывания моего в общежитии. Защита была обеспечена. Если случалось, – били здесь крепко…

Вот такие воспоминания и ассоциации может разбудить неясный, шелестящий говор осеннего ветра у немолодого уже охранника банковского филиала руководителем которого числился теперь Леонид Яковлевич Доберман-Бронштейн, или попросту Лёня Каныш, бывший кладовщик монтажного участка боевой стройки.

Удачливый всё-таки он, Бронштейн этот! На днях в его загородный дом кто-то по делам или так, шутки ради, в открытое окно ручную гранату бросил. Но ничего Лёни не сделалось. Мать только пришлось похоронить – осколком голову разнесло. Но похороны – есть похороны. Когда день не терять. Всё равно на свете не задержишься. Когда-то и уходить надо, девяносто лет – возраст серьёзный.

Удача пока ходит за Бронштейном Леонидом Яковлевичем по пятам. А там видно будет…

«Не кочегары мы, не плотники…»

Монтажники народ, хоть и летучий – по образу жизни и профессии, но ребячливый, по сути, хотя в некоторых моментах не так прост, в чём мне ещё раз пришлось убедиться, перейдя из профессионального училища, где я преподавал спецдисциплины, в монтажное управление с громким названием «Волгостальмонтаж».

Работа новая, но по старой моей, ещё доармейской выучке, несколько знакомая. Только, может быть, пили тогда поменьше, да работали побольше. Сталинские законы ещё безотказно действовали, хотя их основатель и был развенчан самым преданным последователем на поприще «культа личности», хотя личностью был неоднозначной. Но это – историкам…

После школы, я с упорством, которое надо было бы применить в другой сфере, постигал обучение в монтажной бригаде «Ух», где каждый второй проходил воспитательные лагеря: кто по «дурочке», а кто и по идейным соображениям. Монтажное дело опасное, но не сложное, главное, чтобы привычка укоренилась. Орудовать гаечным ключом любой может, а вот головой, пусть бригадир да прораб работают…

Возводили в городе анилинокрасочный завод, объект Большой Химии. Тогда всё было большое: Большие сроки, Большие стройки, Большая целина, Большая Политика, Большие люди.

От мастера до главного инженера и директора, начальство было в почтительном уважении. Рабочие обращались на «Вы», советовались по каждому техническому и даже житейскому вопросу. Каждый свою работу старался выполнять добросовестно: забывали проклятое прошлое и надеялись на обещанное счастливое будущее.

Все верили во всё…

Наивная жизнь, наивные люди!

Сварному делу меня учил сварщик с характерной кличкой «Колыма». Он считался в бригаде монтажником высокой, самой высокой квалификации, От звонка до звонка, «оттрубил» свои положенные 25 лет. За это время ему пришлось участвовать во всех Великих стройках страны, постигая науку выживания в экстремальных, как бы теперь сказали, условиях. Поэтому он имел неоспоримое преимущество перед остальными моими напарниками, которым не так повезло в жизни. Ну, что там какие-то пять-шесть лет по хулиганке! Разве это срок! Вот политическая статья – это да! Перед ней, статьёй этой, даже воры в законе пасовали…

Но на политика Колыма совсем не тянул. Маленький, щупловатый, он скорее походил на карманника или форточника, чем на политика.

Несмотря на свою столь богатую биографию, сварщик Колыма был самым тихим в бригаде. Даже тогда, когда напивался в «кодекс», как он выражался, то становился вроде малого ребёнка: беззубый рот, вставные челюсти он обычно терял тут же в траве, где пили, шамкал бессвязные, мне непонятные, слова, а на глазах наворачивались светлые слёзы неизвестного происхождения.

Челюсти на другой день я ему находил, за что всегда получал благодарность и дружеское рукопожатие. Рука у него была маленькая, детская, но жёсткая, как рашпиль.

Трезвый он никогда не вспоминал подробности своей жизни, да вроде и не сетовал на неё, на жизнь свою, прошедшую по баракам и пересылкам под лай сторожевых собак и волчий волок.

В обычное время Колыма, прикрывшись сварочным щитком, молча, висел где-нибудь под перекрестием стальных конструкций и крепко держал за хвост свою жар-птицу, которая сыпала и сыпала золотые зёрна в прозрачный воздух.

Если поднять голову туда, то можно явственно увидеть огненный хвост волшебной птицы и маленькую головку ослепительной голубизны.

Работа сварщика-высотника мне нравилась, и я с воодушевлением, присущим только молодости, постигал науку быть гегемоном своей страны. А гегемон этот, вон он, в ежовых рукавицах и брезентовой робе, отпустив звёздную жар-птицу, уже спускается с высоты, чтобы показать мне приём сварки потолочного шва на брошенном обрезке трубы.

По моему несовершеннолетию на высоту более трёх метров меня не пускали, и я тогда, страшно завидуя своему наставнику, клевал и клевал электродом никому не нужную трубу, чтобы на ней, на этой трубе «набить руку».

Колыма подходил, присаживался рядом, медленно закручивал неизменную самокрутку, и на пальцах растолковывал мне, неразумному, хитрые приёмы мастерства сварщика. Иногда он брал мою руку с электродержателем и терпеливо пытался моей же рукой положить ровную строчку-ёлочку на стальном стыке.

Отношения со мной, малолеткой, у него были вполне дружеские. Но вот, когда я, минуя бригадира, однажды полез наверх к своему учителю и, склонившись над парапетом, сплюнул вниз, то за это получил он него обидный, чувствительный подзатыльник.

Он потом не раз втолковывал мне: что, работая на высоте, – никогда не плюй вниз. Это плохая примета – когда-нибудь сорвешься…

У нас на участке стоял небольшой кузнечный горн для нестандартных поковок, и мой наставник, показав мне очередной приём сварки, доставал из-под верстака прокопченную алюминиевую кружку, засыпал туда пачку индийского чая, заливал холодной водой и ставил на краешек горящего горна, где поменее жара, и, подрёмывая, заставлял меня следить чтобы чефир не выплёскивался, а медленно вскипал. Когда появлялась желтовато-грязная пена, тогда моей обязанностью было на несколько секунд оторвать кружку от жарких углей, дать бурой пене успокоиться, и – снова кружка на огне, и снова я должен её убирать с огня, успокаивая варево. И так, раз десять.

Когда чефир остывал, он превращался в дегтярного цвета настой, густой и крепкий, как сдобренный матом анекдотец или крутая монтажная поговорка всё про ту же работу.

Воровской глоток-другой чефира, пока посапывает мой учитель, делали меня резвым и возбудимым на всякие шалости. Постепенно и мне стала нравиться горько-вязкая смесь невозможной энергетической силы.

Всему научишься сам, чему не надо бы и учиться…

Это я понял позже, когда пришёл из Армии, и надо было определяться в своей собственной дальнейшей жизни.

Учёба в вечернем техническом институте прошла настолько быстро, что я и не заметил, как получил диплом инженера.

Друзья-однокурсники перетащили меня на работу в профтехучилище, где я, теперь уже сам, передавал науку монтажного дела таким же оболтусам, каким я был сам когда-то.

Но вот настали времена, так называемой, перестройки. Потом рухнула держава. Потом рухнули все скрепы, и мне пришлось искать другое место работы. Стоял 1991год.

Пятнадцать лет теоретических дисциплин в стенах ***школы*** оторвали меня от настоящей практики, и когда я перешёл прорабом в монтажное управление, то понял, что мне надо снова учиться постигать науку общения с рабочим классом.

Главный инженер «Монтажки» – предприятия, куда я устраивался, мне был хорошо знаком, и переход на новое место оказался более простым, чем я думал. Бутылка коньяка легко закрепила мою трудовую книжку в отделе кадров управления.

– Ты с ребятами поаккуратней! Они теперь все грамотеи, не как мы с тобой в своё время. Промашку сделаешь – на шею забугрятся! У тебя на участке из тридцати монтажников, двенадцать человек с высшим образованием. Почему-то все из учительского института.

Педагоги! Мать их так! Лишний раз под балку плечо не подставят, технику давай! Да и ты вот тоже из **«*учителей»*.** Набрались на мою голову!

На другой день, после обязательной планёрки, мой новый начальник участка, старший прораб, незабвенный Михаил Николаевич Гришанин, позже, при невыясненных обстоятельствах погибший на монтажной площадке под упавшим с высоты стальным обрезком балки, повёз меня на объект, который я должен сдать генеральному подрядчику уже через неделю.

Что и как сдавать, не имея для этого никакого опыта, я не знал, и заранее был готов на всяческие подвохи со стороны моего непосредственного начальника, знавшего, что я всего лишь ***«учительствовал»*** в ПТУ и практического опыта у меня нет.

– Позовёшь меня процентовку подписывать! – Гришанин так ловко сплюнул сквозь зубы, что дымящийся на земле окурок зашипел и перестал чадить, когда я ему настойчиво напоминал, что работы на объекте не вёл, и во всех вопросах вряд ли разберусь. – Не ссы! – он присвистнул привычную расхожую фразу, приглашая меня в серебристого цвета, но уже побитую «Волгу».

«Волга» его личная, но, судя по внешнему виду, наверное, не раз употреблялась для перевозки на строящиеся объекты необходимых деталей и небольших монтажных узлов.

Мэрии ещё не было. Ещё власть в городе принадлежала горисполкому, в котором как раз председательствовал близкий родственник Гришанина, создавший богатый кооператив «Фламинго». Поэтому мой старший прораб, как знающий инженер, дополнительно возглавлял ещё и этот кооператив, значит деньги, и немалые, у него водились.

По тому, как он лихо выворачивал баранку на поворотах и резко тормозил, было видно что «Волгу» Гришанин не жалел.

Ехали, молча, но каждый думал о своём: я – о предстоящей работе, а мой начальник, судя по характерному перегоревшему запаху, – о чём угодно, но только не о работе. Я по своей наивности даже растерялся – на службе и под мухой? Может, вчера у него день рожденья был?..

Автомобиль, вспахивая брюхом, жидкую грязь и строительный мусор, еле-еле выбрался на сухое место и прерывистым гудком обозначил себя на монтажной площадке. Но, ни одного рабочего на сигнал начальника участка не отозвалось.

– Пойдём в бытовку! – лениво вытащив ключ зажигания, сказал Гришанин. – Они теперь водяру жрут! Чего улыбаешься? – обернулся он ко мне. – Привыкай! Это тебе не школа ПТУ! Здесь другая школа! *Школа* жизни!

Я действительно был удивлён тому, с каким спокойствием начальник участка относится к употреблению спиртных напитков монтажниками на рабочем месте.

Перепрыгивая с балки на балку, с кирпича на кирпич, обходя наплывы свежего бетона, добрались кое-как до монтажной будки. Сердито заскрипела железом дверь, в нос шибануло застоявшимся прогорклым воздухом вперемежку с испарениями мокрой брезентовой спецодежды, пропитанной настоем ржавчины и машинного масла. За длинным столом, сбитым из нестроганных досок, сидели, не обращая на вошедших внимание, с десяток рабочих в ожидании чего-то манящего. Лица их были сосредоточены на литровой стеклянной банке с кипящей и плюющей на доски жидкостью, пенистой и ржавой.

Запах металла, мокрых спецовок, запах вот этой самой кипящей жидкости, пробудили во мне сладостные чувства ушедшей молодости, отвязной и лихой монтажной удали парня рабочей окраины. Вот и сам я уже среди этих людей сижу в ожидании преющего под самодельным кипятильником чефира, густого и такого терпкого, что язык вяжет узлом. Ах, молодость, молодость!

Ничего более банального и грустного не скажешь…

– Бригадир где? – не здороваясь, спрашивает мой провожающий.

– Где бригадир? Где? – шутовски заюлил в ногах у Гришанина маленький человечек, лысенький, со сморщенным лицом стареющего скопца.

– Чего орёшь, Жаля? – из-за железного шкафа с инструментом, там, где сушилась рабочая одежда над электрическим «козлом» увитым красным огненным шнуром распрямился крепкий мужик с обожженным и обветренным лицом, какое обычно бывает у рыбаков и охотников. – А, начальство прибыло! – спокойно подошёл он к нам, протягивая руку Гришанину, потом мне. Пожатие его было болезненным, словно в ладонь вцепились большие пассатижи. – А это видать наш прораб? – отпустив руку, показал он на меня.

– На одного рАба, два прораба! – кто-то без удовольствия произнёс за столом.

– Принимай, Поляпа, пейдагога! – коверкая слово, довольно хмыкнул мой провожающий, передавая меня бригадиру. – Почему не работаем? Где Чекаля? Я ему электроды привёз. Финские! – уточнил Гришанин. Пусть кто-нибудь разгрузит багажник! – Было видно, что здесь у Михаила Николаевича сложились с монтажниками полуприятельские отношения.

– Митара, – обратился Поляпа-бригадир к одному монтажнику, который уже дул в свою просмоленную, в чёрных подтёках кружку, – кончай чефирить! Иди машину разгрузи!

Позже я привык, что на участке почти у каждого монтажника была своя кличка, по причине краткости и шаговой доступности. «Митара» – в переводе на обыденный язык – Гитара, человек с музыкальным прошлым, бывший металлист-рокер, «Жаля» – жалкий, убогий, «Поляпа» – белорус польского происхождения, «Чекаля» – от слова «ЧК», отставной милиционер, выгнанный с органов за драку со старшим по званию. И так далее…

Да и к начальству клички прилипали, однова и навсегда. Вот и Гришанина здесь называли – «Наливайко». Кличка хорошая, в самую точку. Наливай и пей! В чём я тут же убедился.

Дверь широко распахнулась, и в теплушку ввалился некто в подшлемнике и брезентовой робе. Конечно, это был тот самый сварщик Чекаля. ЧК. Не обращая никакого внимания на меня и начальника участка, Чекаля спокойно выпростал из карманов две бутылки водки и с таким усердием поставил их на стол, что звякнула посуда.

– Во-та! На весёлое дело сходил!

Я был неприятно удивлён тем, с какой наглостью действовал Чекаля, но ещё больше удивился, когда Гришанин, вместо того, чтобы остановить наглеца, спокойно сказал:

– Ты, как Макар Нагульнов в «Поднятой целине» Шолохова, только нагана не хватает.

– А у меня гранаты! – широким жестом показал Чекаля на бутылки. – Противотанковые!

Вот уже забулькало по стаканам. Вот уже по столу прошло весёлое оживление. Вот уже два стакана в руках Поляпы протянуты нам. Один тут же оказался в моей руке.

– Новенький прораб не заложит? – указал Поляпа глазами на меня.

– А, закладывать некому! – Стряхнув невидимых тараканов с руки, ловко подхватил щербленный стакан мой начальник. – Большой бугор в яме. Он, как приватизировал нашу шарашку, так вторую неделю не просыхает, – лагерная привычка! Вор в законе, это, – как маршал. Вот и пьёт за победу!

– За нашу победу! – Поляпа налил третий стакан.

– За нашу победу Ельцин в Кремле коньяком подмывается после встречи с Клинтоном. Тот после Моники совсем неразборчивый стал. Всех иметь хочет! – Гришанин, кинув в рот содержимое стакана, протянул его в чьи-то нетерпеливые руки.

Я от изумления так и остался стоять столбом со своим стаканом, не зная, что делать? Показать себя непьющим? Не поверят. Ещё смеяться будут. Выпить? Выпил бы, да ведь на работе я…

– Пей, прораб! С почином тебя! – Поляпа прислонил стакан к моему. – А-то – не приживёшься!

Гришанин самодовольно взглянул на меня. Мол, – не боись! смотри, как у нас, монтажников, новеньких встречают! Пей, чего ты! Со мной можно.

Зная убойную силу рабочей коллективной насмешки, я, подражая своему начальнику, резко опрокинул в себя стакан.

Мне показалось, что весь стол облегчённо выдохнул: – Ухх… Задвигались, завороча-лись, заговорили все разом, перекидываясь короткими матерками:

– Наш человек, гребит, разгребит! Монтажник! Нам, что водка, что пулемёт, лишь бы с ног сшибало!

– Васильч, – пододвинул мне самодельный железный стул Поляпа, – ты не думай, что мы здесь алкоголики? Бригадир уже знал, как меня зовут. – Вчера получка была. Первая за полгода. Расплюев (того, кто купил «Монтажку» носил ласковую, любовную фамилию – Расцелуев) распорядился долги выплатить. Лучше вор в законе, чем коммуняки! У воров, хоть, понятие есть. (Ещё не знал, не знал Поляпа-бригадир, чем обернётся жизнь «по поня-тиям» для всей страны! Не знал и я, шумно голосовавший за предателей русского народа!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.